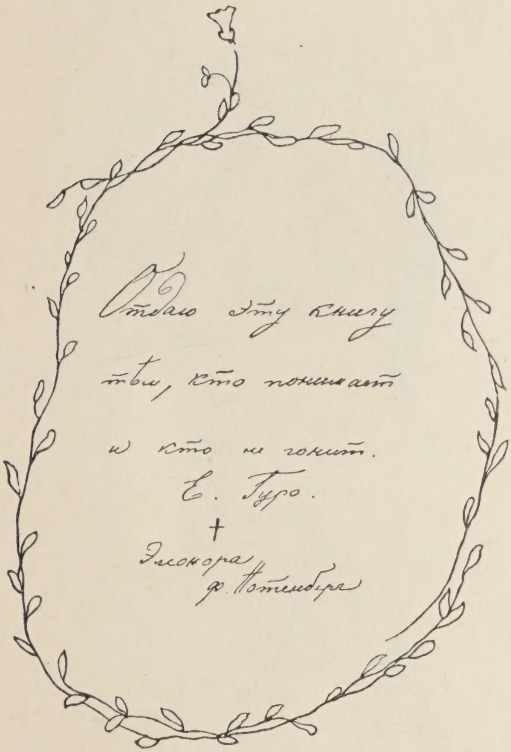
Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/osenniisonpesavc00guro


Отдаю эту книгу
тем, кто понимает
и кто не понимает.
Е. Гуро.
Элеонора
26 ноября

Памяти моего незабвеннаго единственнаго сына В. В. Нотенберъ.

Вотъ и легъ утихшій, хорошій —
Это ничего —
Нѣжный, смѣшной, вѣрный, преданный —
Это ничего.

Сосны, сосны надъ тихой дюной
Чистыя, гордыя, какъ его мечта.
Облака да сосны, мечта, облако...

Онъ немного говорилъ. Войдетъ, прислонится...
Не умѣлъ сказать, какъ любилъ.

Дитя мое, дитя хорошее,
Неумѣлое, вѣрное дитя!
Я жизни такъ не любила,
Какъ любила тебя.

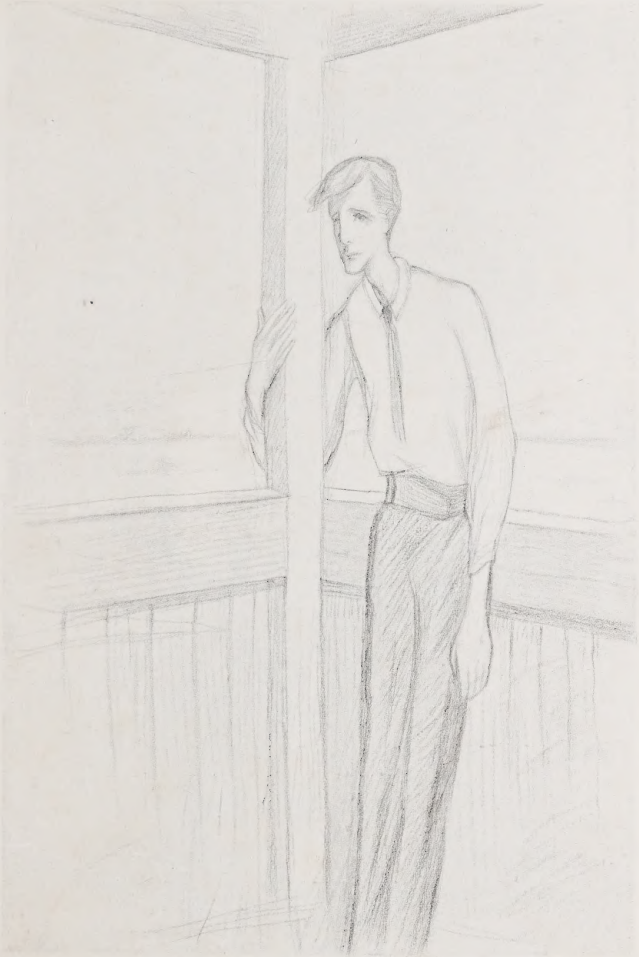
И за нимъ жизнь, уходитъ —
Это ничего.
Онъ лежитъ такой хорошій —
Это ничего.

Онъ о чемъ то далекомъ измаялся...
Сосны, сосны!
Сосны надъ тихой и кроткой дюной
Ждутъ его..

Не ждите, не надо: онъ лежитъ спокойно —
Это ничего.

* * *

Но въ утро осеннее, часъ покорно-блѣдный,
Пусть узнаютъ, жизнь кому,
Какъ жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный
И яснымъ утромъ отошелъ ко сну.
Убаюкался въ часъ осенній,
Спитъ съ хорошимъ, чистымъ лбомъ
Немного смѣшной, теперь стройный —
И не надо жалѣть о немъ.



ОСЕННІЙ СОНЪ

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КАРТИНАХЪ.

«Блаженна страна, на смерть вѣнчанная»
(Аделаида Герцыкъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912.

ОСЕННІЙ СОНЪ.

Пьеса въ четырехъ картинахъ.

Дѣйствіе первой картины происходитъ въ осенней Астріи — странѣ золотыхъ астръ.

Дѣйствующія лица 1-й картины:

Принцъ Гильомъ, 18-ти лѣтъ.
Принцесса Евгенія, 22-хъ лѣтъ.
Принцесса Аріадна, 17-ти лѣтъ.

Дѣйствіе второй, третьей и четвертой картины, происходитъ въ дачной Россіи.

Дѣйствующія лица 2, 3 и 4 картинъ:

Хозяинъ дома.
Хозяйка дома.
Тамара. } Дочери ихъ 16 — 17-ти лѣтъ.
Дина }
Баронъ Вильгельмъ фонъ Кранцъ (*въ быту Гильомъ*) 18-ти л.
Андросовъ, ротмистръ драгунскаго полка.
Орловъ, корнетъ драгунскаго полка.
Веселенькая барышня съ узенькими глазками.
Дачный студентъ.
Сосѣдъ дачникъ, партнеръ, нѣмая фигура.
Докторъ.
Дачныя барышни и дачные юноши.

Баронъ Кранцъ одѣтъ въ мягкую англійскую рубашку съ довольно открытымъ воротомъ, галстухъ небрежно повязанъ морскимъ бантомъ, широкій велосипедный поясъ. Онъ бѣлокуръ, длиненъ, худъ и въ его бровяхъ постоянное выраженіе какой-то застѣнчивой боли или радости, за которую немножко больно.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Дѣйствіе происходитъ въ Осенней Астріи — странѣ золотыхъ астръ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Осеннее небо въ готическомъ окнѣ. Принцъ Гильомъ въ постели, головой къ окну. Онъ долговязый, бѣлокурый, тонкое полотно рубашки такъ небрежно одѣваетъ его, что обнажается почти до локтя предплечіе и нѣжная кисть руки съ выраженіемъ доброй безпомощности и даетъ почувствовать мило и безжалостно худобу его слабаго тѣла. На столикѣ сіяетъ букетъ изъ бѣлыхъ и малиновыхъ флоксовъ и желтыхъ кленовыхъ листьевъ.

Входятъ принцесса Аріадна и принцесса Евгенія. Подавая руку дамамъ, Гильомъ дѣлаетъ неловкое движеніе одѣться.

ЕВГЕНІЯ

Полуотвернувшись, нѣсколько сурово.

Все Ваше поведеніе послѣднихъ дней такъ несогласно съ Вашимъ высокимъ саномъ, принцъ, что Мы пришли съ сестрой Аріадной высказать Вамъ Наше глубочайшее неудовольствіе...

ГИЛЬОМЪ

Глядя на вошедшихъ, улыбается.

Ну, развѣ я уже не наказанъ порядкомъ, дорогая принцесса, все мое грѣшное тѣло такъ переполнено болью!..

ЕВГЕНІЯ

Это только усугубляетъ Вашу вину, принцъ. Эта боль унижаетъ Васъ; болѣзнь могла быть схвачена Вашимъ благороднымъ тѣломъ въ трудахъ славнаго похода, или Вы могли подвергнуть себя дѣйствію вредоноснаго ночного воздуха, чтобы спѣть серенаду...

ГИЛЬОМЪ

Ай, ай, ай!

ЕВГЕНІЯ

(Продолжая).

... нашей любезной кузинѣ, Инфантѣ Маріи, избранной Нами всѣми согласно Вашей будущей супругой...

ГИЛЬОМЪ

Движеніе комическаго ужаса.

ЕВГЕНІЯ

И вдругъ, до Нашего слуха доходитъ, что Вы ночью приняли участіе въ работахъ недостойныхъ Нашихъ рабовъ!

АРІАДНА

Да, съ горы позапрошлой ночью свалились камни и засыпали мой цвѣтникъ.

ГИЛЬОМЪ

Можетъ быть, я просто боялся, что помнутъ цвѣточки Аріадны?..

Пауза. — Вдругъ собрался съ духомъ: — тихонько:

А можно... мнѣ... вовсе не жениться, Евгенія?..

ЕВГЕНІЯ

(Пропустивъ его слова безъ вниманія).

Надѣюсь, что это нездоровье не помѣшаетъ Вамъ принять участіе...

ГИЛЬОМЪ

Ай, не надо! Я боюсь опять... Эти гладкіе паркеты — растянусь и надо мной будутъ смѣяться!

ЕВГЕНІЯ

Никто не смѣетъ смѣяться надъ Вашей священной особой... Принцъ!

ГИЛЬОМЪ

И еще какъ великолѣпно! «Верблюдъ!.. Долговязая цапля!»

Смѣется, пристыженно закрывъ пальцами лицо.

АРІАДНА

Вы должны были замѣтить, кто осмѣлился!..

ГИЛЬОМЪ

Но если я не замѣтилъ Аріадна!..

ЕВГЕНІЯ

Съ укоромъ.

Принцъ!.. Ну, такъ мы надѣемся дня за три до празднества подняться въ путь!

ГИЛЬОМЪ

Далекимъ голосомъ.

Да, скоро будетъ мой далекій путь...

ЕВГЕНІЯ

Глядитъ въ окно.

Золотыя астры поднялись уже до карниза...

АРІАДНА

Какъ осень полна сіянія и блаженства боли... Я не знаю... мнѣ все послѣднее время хочется вышивать голубые далекіе города.

ЕВГЕНІЯ

Да, представь себѣ, Гильомъ, она и вчера вышивала на пяльцахъ голубыя башни и города.

АРІАДНА

И еще хочется произносить безсловные обѣты и свершать молча жертвоприношенія.

ЕВГЕНІЯ

И все это почти какъ во снѣ — кажется страннымъ.

Ручная лань въ золотомъ ошейникѣ ложится на коверъ у кровати.

АРІАДНА

Сегодня должны были совершиться осеннія гаданія. А мнѣ вспомнился нашъ сегодняшній сонъ. Мы обѣ этой ночью видѣли, принцъ, одинъ и тотъ же сонъ: намъ явился вѣнокъ изъ бѣлыхъ и алыхъ розъ. Алыя розы сіяли неизрѣченнымъ блаженствомъ, но на бѣлыхъ цвѣтахъ мы увидѣли капли крови...

И опять мы заснули и видѣли тотъ же сонъ... и блаженно влюблены были алыя розы, но на цвѣтахъ мы опять замѣтили кровь.

Они втроемъ тихо и дружно говорятъ замирающими голосами и слова уже не слышны больше; поднимается голубой туманъ — сквозь него блещетъ золото... Туманъ густѣетъ и клубится, и клубится, — постепенно темнѣетъ и превращается въ темный вихрь.

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Дѣйствіе происходитъ въ дачной Россіи.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Темно. Клубится темный вихрь. Едва намѣчаются очертанія современной дачной веранды со столбиками и залы. (Въ разрѣзѣ). Проносятся сцены странствованій Донъ-Кихота.

Послѣднее видѣніе: въ темномъ воздухѣ залы пробѣгаетъ рыцарь безъ шлема въ погонѣ за злыми духами. Подъ тяжестью латъ онъ спотыкается и падаетъ.

Выбѣгаютъ русскіе мужики и хулиганы и набрасываются на него. Происходитъ свалка. Все смѣшивается и исчезаетъ.

Теперь на сценѣ дневной осенній часъ бьетъ золотомъ въ поблекшія стекла веранды. Слышенъ звонъ кузнечиковъ.

По сценѣ проходитъ Вильгельмъ. Онъ бѣлокуръ, длиненъ, худъ и въ его бровяхъ постоянное выраженіе какой-то застѣнчивой боли или радости, за которую немножко больно. Сразу замѣтно странное, чуть-чуть смѣшное сходство Рыцаря Печальнаго Образа съ фигурой барона. Воротъ его рубашки разстегнутъ и виденъ рубецъ отъ удара вдоль щеки и на нѣжной свѣтлой шеѣ.

Появляется, одновременно почти, прислуга и начинаетъ разставлять на верандѣ ломберный столъ.

Вильгельмъ, тихо и смущенно улыбаясь, проходитъ и исчезаетъ въ сіющей золотомъ аллеѣ.

На веранду прибываютъ гости.

СТУДЕНТЪ

Этотъ остзейскій баронишка!...

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ БАРЫШНЯ

(другой барышнѣ).

Этотъ долговязый! Невозможенъ! Невозможенъ!... Знаешь, я видѣла сейчасъ тамъ, въ саду... *(Заливается смѣхомъ).* Онъ хотѣлъ черезъ канаву!... И прямо туда!... Хорошо еще, что было сухо. Я видѣла потомъ, онъ шелъ хромая, и все такъ курьезно потиралъ колѣно...

СТУДЕНТЪ

И Вы еще такъ громко расхохотались, злодѣйка! Онъ это слышалъ!

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ БАРЫШНЯ

Бѣдный!.. Право, это ужъ очень жестоко вышло! Я не хотѣла!..

(Захлебываются отъ смѣха).

Проходятъ. Затѣмъ все время то приходятъ, то уходятъ, какъ въ калейдоскопѣ вращенья, одни и тѣ же группы, смѣняя другъ друга и опять возвращаясь.

(Входитъ Вильгельмъ, Тамара и Дина и садятся на ступеньки веранды. Тихо разговариваютъ, такъ что сквозь разговоръ слышна все время непрерывно-влюбленная трель кузнечиковъ, качаясь въ сіяньи, то поднимаясь, то опускаясь на волнахъ радости).

ТАМАРА

Вы любили?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Я всегда люблю. Вы знаете, какая можетъ быть любовь? Вамъ я это могу разсказать. Она можетъ быть вездѣ и не въ одномъ образѣ. Она тогда осеннее солнце. У нея право все прощать. Когда я такъ люблю, мнѣ иногда кажется, что она проливается сквозь меня въ міръ потокомъ сіянья, и я тутъ ни при чемъ... я могу умереть, но она останется... И душа также можетъ быть вездѣ и нигдѣ и когда такъ любишь, такъ счастливо, что хотѣлось бы прыгнуть съ обрыва и разбиться!..

ТАМАРА

О, какъ это странно и красиво!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

И вотъ какой нибудь условный жестъ... вѣдь иногда и наша собственная рука можетъ намъ казаться значительной и просвѣтленной. Протягиваешь кисть руки, вотъ хоть такъ, и смотришь на свою руку — и знаешь про себя, что это символъ

той далекой, одинокой любви. Такъ ты со своей рукой условился. И нѣсколько разъ въ длинное теченіе дня приводишь кисть руки въ то же положеніе страданья и просвѣтленности, тихонько ото всѣхъ, чтобы не смѣялись. И своей любви можно молиться.

(Пауза).

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Можетъ быть, душа въ это время прилетаетъ и улетаетъ — и прилетаетъ.

ТАМАРА

Да... да...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Мнѣ всегда казалось, что если любить очень сильно, быть влюбленнымъ вообще, ни въ кого отдѣльно — то будешь въ звѣздныя ночи перелетать отъ звѣзды къ звѣздѣ по лучамъ.

ДИНА

Да, вотъ и мы съ Тамарой, когда бываемъ влюблены, всегда по ночамъ видимъ во снѣ, что летаемъ.

ТАМАРА

Дина, ты дура!...

ДИНА

Скажешь, неправда?.. Сама же тогда разсказывала!..

ТАМАРА

Ну, — во снѣ...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

А, можетъ быть, Вы въ самомъ дѣлѣ летали?

ДИНА

Вы думаете?

За сценой голосъ матери: «Тама, Дина»!

ОБѢ ВМѢСТѢ

Ау! Мамочка — киса!

Вскакиваютъ, бѣгутъ въ домъ. Баронъ подбираетъ скатившуюся у него съ колѣнъ на ступени книгу и уходитъ въ садъ.

Хозяинъ, хозяйка, партнеры, Андросовъ садятся за карты. Барышни разсаживаются въ сторонѣ.

АНДРОСОВЪ

Хлопаетъ Орлова по плечу.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь! Наконецъ-то, батенька; засидѣлись въ юнкерскомъ!

ДИНА

Такъ не вѣрится! Юнкеръ Орловъ — офицеръ!

ОРЛОВЪ

Меня даже не юнкеромъ величали, а всегда: повѣса Орловъ, — на лѣво кругомъ въ карцеръ!

Барышни смѣются. Играющіе садятся.

ХОЗЯЙКА

Объявляю — три бубны.

АНДРОСОВЪ

Пп — ассъ!

ХОЗЯИНЪ

Вашъ валетъ — моя дама! (*Между игры, продолжая начатый разговоръ*). Намъ надо, повторяю, свѣжія общественныя силы. Бодрыя — даже жестокія. И они грядутъ, хотя я не поклонникъ нынѣшняго пророка Нитцше.

АНДРОСОВЪ

Главное терпѣть не могу этихъ кислыхъ психопатовъ и разгильдяевъ.

ХОЗЯЙКА

Маленькій шлемъ безъ козырей!

АНДРОСОВЪ

Смачно.

Пп — ассъ.

Во время разговора входитъ баронъ и незамѣтно, сконфуженно пожеживаясь, садится между скучающими у стѣны барышнями и Андросовымъ.

АНДРОСОВЪ

Играетъ шутя, разсказываетъ черезъ барона барышнямъ анекдотъ. Ничего

не слышно, анекдотъ угадывается по его подергиваньямъ и смѣшкамъ барышенъ.

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ БАРЫШНЯ

Плутовато.

Баронъ, что Вы дѣлали такъ долго въ саду?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Мило.

Читалъ Сервантеса.

ДИНА

Ахъ, мой любимый герой былъ всегда Донъ-Кихотъ! Мнѣ говорятъ, что я всю жизнь борюсь съ вѣтряными мельницами!

ХОЗЯИНЪ

Важно и глубокомысленно.

Безсмертный типъ, подобно типамъ Шекспира. Замѣтьте главное! Онъ умеръ, не переживъ свою идею!

ОДНА ИЗЪ БАРЫШЕНЬ

Мнѣ кажется, Донъ-Кихотъ любилъ красныя розы. Не правда ли, баронъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Улыбаясь далеко и безмятежно.

Пожалуй...

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ БАРЫШНЯ

Почему-то его здѣсь зовутъ Гильомъ! Это вѣдь французское имя! Причемъ же тутъ Франція!

АНДРОСОВЪ

Вильгельмъ, Вильгельмъ — довольно долговязая исторія — Виллендрясъ. А правда ли, что въ петербургскомъ корпусѣ товарищи дразнили Васъ уменьшительнымъ «Виля»?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Добродушно смутившись.

Да.

АНДРОСОВЪ

Да — Виля... А знаете, господа, ей Богу не анекдотъ, что у нашего милѣйшаго Гильома-Виленьки отецъ настоящій нѣмецкій кабанъ, когда нарѣжется пьянъ, то ставитъ его на колѣни передъ доспѣхами предковъ и стегаетъ арапникомъ. Это не анекдотъ, ей Богу! Правда, баронъ Гильомъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Внезапно вспыхнувъ, съ укоромъ, тихо.

Да, правда.

Возникаетъ неловкій шумъ между дамами.

ХОЗЯИНЪ

Въ негодованіи — неопредѣленный звукъ.

АНДРОСОВЪ

Смѣясь.

Никакъ не можетъ ему простить высокондейный отказъ отъ военной службы! Серьезно не анекдотъ! *(Къ Вильгельму)*. Вѣдь я вѣрно разсказалъ — арапникомъ?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Борется минуту съ самимъ собою, потомъ тихо, но очень внятно.

Арапникомъ.

Очень неловкая пауза. Тамара и Дина умышленно гремятъ ложечками и чайной посудой.

ТАМАРА

Со страстнымъ негодованіемъ правды, почти плача.

Это прекрасно, баронъ Гильомъ. Это прекрасно, что Вы отказались отъ военной службы!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

И потомъ я не могу видѣть крови и раненыхъ.

ТАМАРА

Съ досадой и укоромъ.

Гильомъ!

ОРЛОВЪ

Когда меня единственный разъ ударили, я того человѣка чуть не зарубилъ шашкой!

АНДРОСОВЪ

Да, и представьте, замѣтьте — самое занимательное въ исторіи. Баронъ живетъ годы у своего отца — и не уйдетъ, и необыкновенно послушный мальчикъ.

ДИНА

Это ужъ какъ бы мученичество?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Сталъ вдругъ очень похожъ на сконфуженнаго нѣмецкаго юношу. Внезапно съ осенней ясностью — смущенно и свято.

И тамъ былъ кроликъ — я изъ за кролика — я боялся, что онъ потеряется и что ему будетъ худо въ моихъ скитаньяхъ. Я не могъ уйти, пока онъ былъ живъ.

Всеобщее нѣкоторое замѣшательство.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Я думалъ, все надо сносить, разъ дано.

Нѣжно вспыхиваетъ и закрываетъ на мгновеніе длинными пальцами своихъ большихъ, но слабыхъ рукъ, лицо.

ТАМАРА

Зачѣмъ же сносить, когда безсмысленно!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Тихо и покорно.

Можетъ быть, я ошибался.

АНДРОСОВЪ

Тамарѣ.

Ахъ, не удивляйтесь и не негодуйте. Это высшая доброта и смиреніе, а мученичество — та же самая...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Вскакиваетъ, сжимая кулаки.

Вы скверный! Какъ Вы смѣете такъ раздѣваться при всѣхъ и раздѣвать другихъ!

АНДРОСОВЪ

Зашурившись.

Ого? Ну, я думаю, раздѣться кое для кого — особый смакъ. Какъ это, нѣкій рыцарь легенды? Рубины, вѣдь это символъ крови. (*Хозяину*). Не правда ли, профессоръ?

Неловкая пауза.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Я прошу у Васъ прощенья г. Андросовъ — я былъ рѣзокъ.

Андросовъ иронически щелкаетъ шпорами.

ГИЛЬОМЪ

Со странной очень далекой и недоумѣнной улыбкой.

Вы были правы.

На щеѣ у него странно горитъ красная полоса. Внезапно у него руки наполняются у всѣхъ на глазахъ красными, какъ рубинъ, розами. Онъ почтительно отдаетъ ихъ дамамъ, и тихо

уходитъ въ садъ, закрывъ лицо руками

БАРЫШНИ

Откуда у него явились розы? Мы не замѣтили!

ЗАНАВѢСЪ.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА.

Сцена представляетъ садъ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Листья падаютъ, сверкая. Тамара въ саду одна. Входитъ Вильгельмъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Я помѣшалъ Вамъ?.. Я сейчасъ уйду...

ТАМАРА

Нѣсколько задорно.

Ничуть. — А мы вчера катались на лодкѣ!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Я принесъ Вамъ красивыя зернышки. Это зернышки мальвы.

ТАМАРА

Не глядя, сухо.

Да, это зернышки мальвы.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Я не былъ у Васъ долго, потому что работалъ... Извините, я сейчасъ уйду... Тамара я хотѣлъ давно Вамъ сказать: вы себя плохо любите!

ТАМАРА

Вы оборвали мнѣ платье. Вы наступили мнѣ на платье, оборвали его.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Страшно смутившись, умоляюще, почти убито.

Ахъ, простите, не сердитесь-же. Вы сердитесь?..

ТАМАРА

Нѣтъ, у меня просто оборвано платье и это непріятно...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Покорно.

У Васъ не оборвано платье, фрейлейнъ Тамара.

ТАМАРА

Да, я знаю — у меня не оборвано платье.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Вы чего-то хотите, чего я не могу Вамъ дать. Все равно помните, что я люблю Васъ и потому счастливъ, — что я счастливъ и благодарю Васъ.

Голосъ корнета Орлова съ веранды страстно.

ГОЛОСЪ ОРЛОВА

Ахъ, дай на мгновенье, всезабвенье...
— Да!
Все блаженство, все смятенье
Навсегда!

Все смятенье — пылъ влюбленья!
Ахъ еще
Поцѣлуй, Карменсита,
Кабальеро своего!

ТАМАРА

Съ минуту тоскливо думаетъ, потомъ бѣжитъ на веранду.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Печально бросаетъ зерна на песокъ, ходитъ по сценѣ, потомъ, протянувъ руки, словно убаюкивая кого-то.

Какъ свѣтло и покорно гаснутъ листья! — Какъ трепещутъ!

Вздрагиваетъ, видя Дину.

ДИНА

Вильгельмъ, я хотѣла съ Вами поговорить — почему Вы стали такъ рѣдко бывать?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Я теперь побольше занятъ, фрейлейнъ Дина.

ДИНА

Нѣтъ, Гильомъ, Вы не заняты, я знаю, — какъ это грустно! Мы гораздо больше знаемъ о Васъ, чѣмъ Вы думаете. Вы только зажигаете лампу у себя, какъ будто работаете, а сами Вы даже не бываете дома всѣ эти вечера.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Ну, даже если и такъ. Нѣтъ, вѣрьте, не грустно, совсѣмъ не грустно. Я просто не хочу здѣсь мѣшать — понимаете? Я чувствую, что я невольно мѣшаю, — а то бы я не прятался. Только мнѣ бы надо забраться выше — даже значительно выше. А боль? Всякая боль радостна — потому что она священна. Я очень счастливъ — я очень люблю.

ДИНА

И Вы можете быть по прежнему счастливы и между нами?

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Да, видите, я можетъ быть и не былъ еще никогда такъ счастливъ... Ну, словомъ, я теперь всегда могу быть счастливъ. Я и Орлова очень люблю — Вы не думайте: онъ такъ мало понимаетъ, и онъ очень добрый!

ДИНА

Такъ все по прежнему? Ахъ знаете, у насъ на клумбѣ расцвѣли среди бѣлыхъ золотыя астры! Я такихъ не сѣяла. Такъ красиво — совсѣмъ золотыя.

На верандѣ взрывъ смѣха. Выбѣгаютъ: Тамара, Орловъ, Андросовъ. Орловъ первый, перескочивъ ловко черезъ канавку.

ОРЛОВЪ

Ур-ра! Я первый! Русскіе умираютъ, но не сдаются! Виленька, Вы должны сейчасъ къ намъ на балконъ и быть судьей въ пикъ-покъ. М-lle Тамара увѣряетъ, что мы тришируемъ; это оскорбленіе мундира!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Ой, не надо, у меня очень голова болитъ,— право.

ОРЛОВЪ

Нечего, нечего фордыбачить! Не разговаривать съ нимъ! Мы просто беремъ его съ собой! Онъ нашъ плѣнникъ!

Вильгельмъ дѣлаетъ смущенное движеніе ускользнуть, но за тѣмъ даетъ себя связать руки назадъ длинной лентой Тамары. Оба офицера берутся за концы ленты.

ОРЛОВЪ

Подпрыгивая на одной ножкѣ.

Пора на судъ! пора! пора! Изловили своего судью плѣнникомъ и ведемъ. Пора-пора!

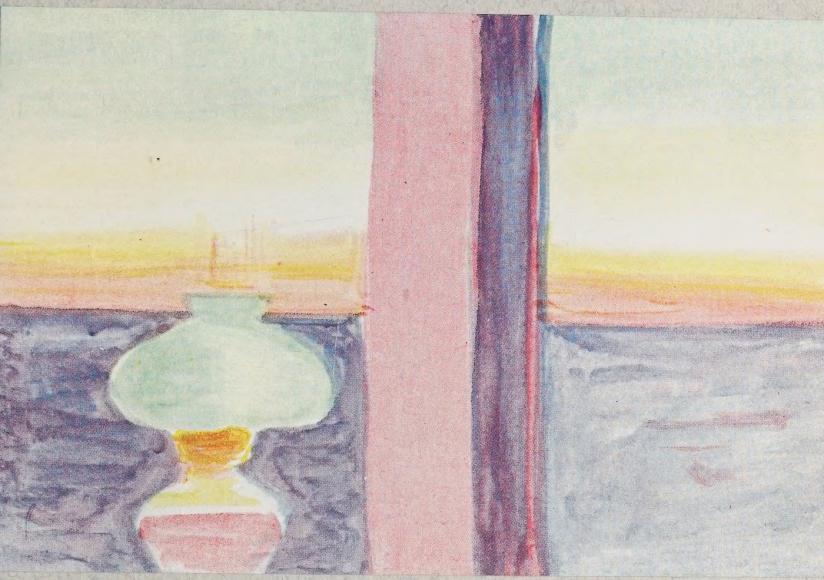
АНДРОСОВЪ

Въ шутку подгоняетъ барона концомъ ленты; страшновато кривляясь, подпѣваетъ.

Пора! Пора!

Тамара и Дина, смѣясь, срываютъ желтыя вѣтки и также бьютъ связаннаго сорванными вѣтками. Такимъ образомъ вся группа удаляется въ глубину.

ЗАНАВѢСЪ.



ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА.

Мѣсто дѣйствія второй картины.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сентябрскій теплый день. Веранда. Ломберный столъ сдвинутъ въ уголъ. Шезъ-лонгъ — импровизированная постель. Вильгельмъ лежитъ въ полузабытьи, закрывъ глаза. Голубь топчется на столикѣ между лекарствъ и клюетъ хлѣбъ. Стрекочутъ осенніе кузнечики. Дина и Тамара стоятъ у стекла, слегка заплаканныя.

ДИНА

Какъ прозрачна нынче осень, — прозрачна, какъ золотой солнечный кристалъ.

ТАМАРА

И полна прощенья, — и переполнена радостью боли.

ДИНА

Мнѣ кажется, что мы что-то должны обѣщать другъ другу далекое и важное.

ТАМАРА

Отвернулась.

— — — — — — — — — — — — — —

ДИНА

Какъ онъ быстро слабѣетъ, и мама говоритъ безъ видимой причины.

Долгая пауза.

ДИНА

Почему это говорятъ, что онъ не можетъ поправиться?

ТАМАРА

Я чувствую, что съ нимъ именно такъ должно быть... Помнишь, мы разъ были дома, и ему велѣли сказать, что насъ нѣту, а Андросова приняли, чтобъ вмѣстѣ идти кататься на лодкѣ. Я видѣла потомъ по его кроткой тишинѣ, что онъ все слышалъ — и я ужъ тогда поняла, что такъ будетъ. Тутъ уже стояло это.

ДИНА

Все — противный Андросовъ!

ТАМАРА

Мы допустили умереть тѣмъ, что были виноваты передъ нимъ. Я не знаю, какъ тебѣ это объяснить.

ДИНА

Ты думаешь, онъ очень страдаетъ.?

ТАМАРА

— — — — — — — — — — — — — —

ДИНА

Все таки онъ боялся, что его отошлютъ въ больницу! Папа вчера догадался и далъ ему понять, что

его оставляютъ у насъ. Еслибъ ты слышала, какъ онъ отвѣтилъ: «Какъ вы добры, Вы, значитъ, позволите мнѣ умереть здѣсь, у васъ?» И на маму смотритъ съ тѣхъ поръ такъ, что я не могу, не могу этого видѣть.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

бредитъ.

Зачѣмъ прелестную дверь забросали нехорошей соломой. Я хотѣлъ войти, но меня прогнали...

Пожалуйста не тяните меня такъ сильно за руки. (*Жалобно*). Не тяните, очень больно!..

У Тамары движеніе къ нему. Дина удержала.

ДИНА

Оставь, онъ вѣдь только бредитъ. Вѣдь не всю дробь удалось вынуть: это навѣрное и безпокоитъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

очень громко любезнымъ тономъ.

Если вы это мнѣ позволите, я теперь пойду къ себѣ?..

ДИНА

Онъ уйдетъ первымъ отсюда, затѣмъ мы. Скоро всѣмъ разставаться.

ТАМАРА

Да...

Внизу веранды дачные юноши и барышни. Голосъ доктора. Тамара и Дина схо-

дятъ съ лѣстницы. Входитъ докторъ.

ГОЛОСА

Что?.. что?.. Господа, Андросовъ не виноватъ! Простая случайность... Вольно-же подъ самое дуло лѣзть... Заячій рыцарь!.. Въ данномъ случаѣ ужъ скорѣе собачій, вѣдь ротмистръ стрѣлялъ свою собственную собаку... Докторъ, въ чемъ дѣло?..

ДОКТОРЪ

Сейчасъ вошелъ. Вдругъ, съ непонятной никому злобой.

Царапина,... пустякъ. Такъ, нервное потрясеніе. Организмъ дрянь!.. Не отъ этого, отъ другого протянулъ бы ноги.

Всѣ какъ то незамѣтно смущенно разсѣялись. Докторъ входитъ на веранду, щупаетъ пульсъ, барабанитъ языкомъ.

ДОКТОРЪ

Лихорадочка-съ... Да-съ. Пульсикъ, да-съ... На вашей свадьбѣ танцовать будемъ!.. Еще не много, молодцомъ будемъ!..

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Красныя розы не страшатъ, хотя онѣ кровь и радость!.. и радость!..

Лицо доктора мѣняется на лицо Андросова.

ДОКТОРЪ — АНДРОСОВЪ

Вы умираете, Виллендрясъ! Умираете. Вы поняли меня: побѣдилъ то я, а Вы умираете...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Съ трудомъ поднимается, голосомъ яснымъ какъ осеннее небо въ стеклахъ.

Нѣтъ, я живъ всегда. Моя дорога дальше... дальше.

Тихо кашляетъ, приблизивъ платокъ къ губамъ. Усталое тѣло его опускается немного неловко. Голова запрокидывается въ сторону. Длинная шея обнажилась. Онъ не то забылся, не то кончается. Только громко и блаженно звенятъ осенніе кузнечики.

Въ лѣвомъ углу балкона растетъ, клубится, прибывая, золотой туманъ — постепенно заволакиваетъ картину.

ЗАНАВѢСЪ.

Рябины свѣтлыми чашами стоятъ надъ косогоромъ...

Осень. Рябина. Ее охватила радость, всѣ ея радужныя вѣтви унесло небо. Она стоитъ унесенная, осенняя, чуть трогаетъ струнками косогоръ, и вся она — благородныя стрѣлы, свѣтлыя руки, протянутыя къ небу и къ дальнимъ голубымъ полосамъ. И межъ рѣдкой и устремленной желтизны — голубыя, голубыя полосы смотрятъ въ глаза.

ПРИМИРЕНІЕ.

Я обидѣлъ непоправимо человѣка, который не жаловался. Я предательски отнялъ у него самое его нѣжно и терпѣливо любимое. Послѣ была длинная ночь. Утромъ мнѣ было такъ стыдно и больно, что я побѣжалъ объясняться, несмотря на мое самолюбіе.

Ахъ, иногда чаша осени поднимается къ блѣдному небу, переполнена золотомъ радости, медомъ и пурпуромъ счастья, купленнаго безсонными ночами подлиннѣй моихъ и твоихъ, и о которыхъ никто такъ и не узнаетъ никогда.

По его стыдливо согнутымъ лопаткамъ я понялъ, что мнѣ уже незачѣмъ просить прощенья у ограбленнаго мною, онъ уже простилъ меня, и объ этомъ, значитъ, можно было совсѣмъ не говорить. И сначала я обрадовался. Мы шли рядомъ, какъ прежде. Но черезъ минуту мнѣ стало жутко съ нимъ отъ того, что было пережито имъ въ молчаніи, отъ того, — чего онъ такъ никогда и не разсказалъ мнѣ. Какую длинную ночь! Я съ неловкостью и жутью смотрѣлъ на согнутую спину, покорно вытянутую шею. Мы шагали рядомъ. Въ липахъ дорожки шелъ тихій дождь желтыхъ листьевъ. А я больше не имѣлъ смѣлости быть его другомъ. Теперь мнѣ было пора сдѣлать ему еще одну гадость. По своей винѣ я заслужилъ предать его дружбу и оставить его одного. И я зналъ, что онъ переживетъ горькое недоумѣніе и не осудитъ меня.

Я отомстилъ ему за это и охладѣлъ къ нему.

О, ты заслужилъ свое одиночество, слышишь, слышишь, нестерпимо добрый! Ты заслужилъ свое одиночество. Самая глупая молитва, это твоя молитва о Чашѣ!

Такъ будетъ, пока нашъ, нами устроенный, міръ не претворитъ себя и не омоется въ слезахъ.

Вотъ молодыя рябинки жертвенно покраснѣли и стоятъ на хвойной стѣнѣ, уже готовыя; пламенѣющія чаши осени.

Выбирай любую. А осень знаетъ все и про тебя, и про ночь, и про насъ — твоихъ палачей.

ВДРУГЪ ВЕСЕННЕЕ.

Земля дышала ивами въ близкое небо;
подъ застѣнчивый шумъ капель оттаивала она.
Было, что надъ ней возвысились,
можетъ быть и обидѣли ее, —
а она вѣрила въ чудеса.
Вѣрила въ свое высокое окошко:
маленькое небо межъ темныхъ вѣтвей,
никогда не обманула, — ни въ чемъ не виновна,
и вотъ она спитъ и дышетъ...
и тепло.

БАЛКОННЫЕ СТОЛБИКИ.

Они думаютъ вѣрное рыцарское слово. На блѣдномъ небѣ вечеръ. Они глубокіе, темные, фіолетовые. Въ нихъ собралась вся глубина и вся вѣрность. За ними ласково и лучезарно надѣется заря, а въ комнатѣ говорятъ съ чувствомъ — горячо — о посвященьи, подвигѣ, состраданьи. Чуть-чуть торжественно, похоже на прощанье.

Балконная дверь въ тонкихъ переплетахъ строга и задумчива, за ея тонкой рамой заря! Заря!

Еще темнѣе двое балконныхъ стражей. Они стали очень серьезны. Обрисованныя крестообразными поперечинками, въ нихъ видны вверху поднятыя чаши и въ то же время будто рукоятки опущенныхъ мечей. Такъ они стоятъ на посту.

Будемъ правдой и солью, твердыми, твердыми вѣрности до конца.

Лѣсъ и море запндевѣли туманомъ.

Таетъ длинное розовое облако, еще чуть тлѣя съ концовъ.

Потомъ маякъ зажжетъ свою теплую звѣзду.

У него въ большомъ пальцѣ одиночество, и боль распятаго, и руки его прозрачны, — и никто не замѣчаетъ и не любитъ его рукъ. Надъ бровью его весна, удивленіе и жалость — никто не видитъ его весну. А въ приложенныхъ ноздряхъ его извиняющееся добродушіе.

Осенью они встрѣтили Буланку. Онъ стоялъ рядомъ со своимъ велосипедомъ, опустивъ голову, и ежилъ плечами отъ удовольствія существовать.

На макушку ему струится солнце и вѣтеръ мететъ ему на темени нѣжные волосы — разметалъ ихъ на лобъ. Стоитъ свѣтлый вихляй, плечами свернувшись на сторону, смотритъ ласково на пустую дорогу и вѣтеръ мететъ ему на непокрытой головѣ свѣтлые волосы. Осеннее солнце ему въ темя, не то благословляетъ его, не то дурачитъ, жаритъ ему въ бѣлобрысые глаза и заставляетъ его щуриться.

Вчера я думала, что жизнь тѣсна, злобна и насмѣшлива, и мы всѣ преступники и осужденные.

А сегодня стоялъ у некрашеннаго переѣздика Буланка и сквозился осенней радостью. И сорочка на немъ добрая, добрая, и синяя чистая полоска у разстегнутаго молодого ворота. И еще его видѣли: онъ сидѣлъ, согнувшись, на грядкѣ балконной и, вытянувъ руки впередъ, грѣлъ ихъ въ лучахъ.

Одна за другой налетали на него коромысла и садились ему на плечи и длинный свѣтлый загривокъ. Секунду держались неподвижно и, протрещавъ ему въ ухо, срывались. Онъ только ухомъ поводилъ и щурился на свѣтъ.

А я поняла тогда, что счастье жизнь и смыслъ.

Ласкайте жизнь — приласкайте.

Я долго на него смотрѣла и теперь знаю, что безсмертна радость и безмѣрна.

Дуракамъ счастье, Буланка! Я спросила его: Все можно простить! А не грѣхъ?

— Все! — Смѣется. — Не бойся, что больно! Что больно, — я сберегу, я за все отвѣчу. Въ осени радужные ключи отъ счастья нашлись. — Представь, никто почти не знаетъ. Узнаютъ завтра.

Ты дурачекъ, Буланка!

Ты юродивый, Буланка!

Ты наше солнце, Буланка!

. . . . . .

Лучи падаютъ на шлагбаумъ нашего переѣзда.

ЗВЕНЯТЪ КУЗНЕЧИКИ.

Въ тонкомъ завершеніи и прозрачности полевыхъ метелокъ—небо.

Звени, звени, моя осень,
Звени, мое солнце.

Знаю я отчего сердце кончалося —
А кончина его не страшна —
Отчего печаль перегрустнулась и отошла
И печаль не печаль, — а синій цвѣтокъ.

Все прощу я и такъ, не просите!
Приготовьте мнѣ крестъ — я пойду.
Да нечего мнѣ и прощать вамъ:
Все, что болитъ, мое родное,
Все, что болитъ, на землѣ, — мое благословенное;
Я пріютилъ въ моемъ сердцѣ все земное,
И отвѣтить хочу за все одинъ.

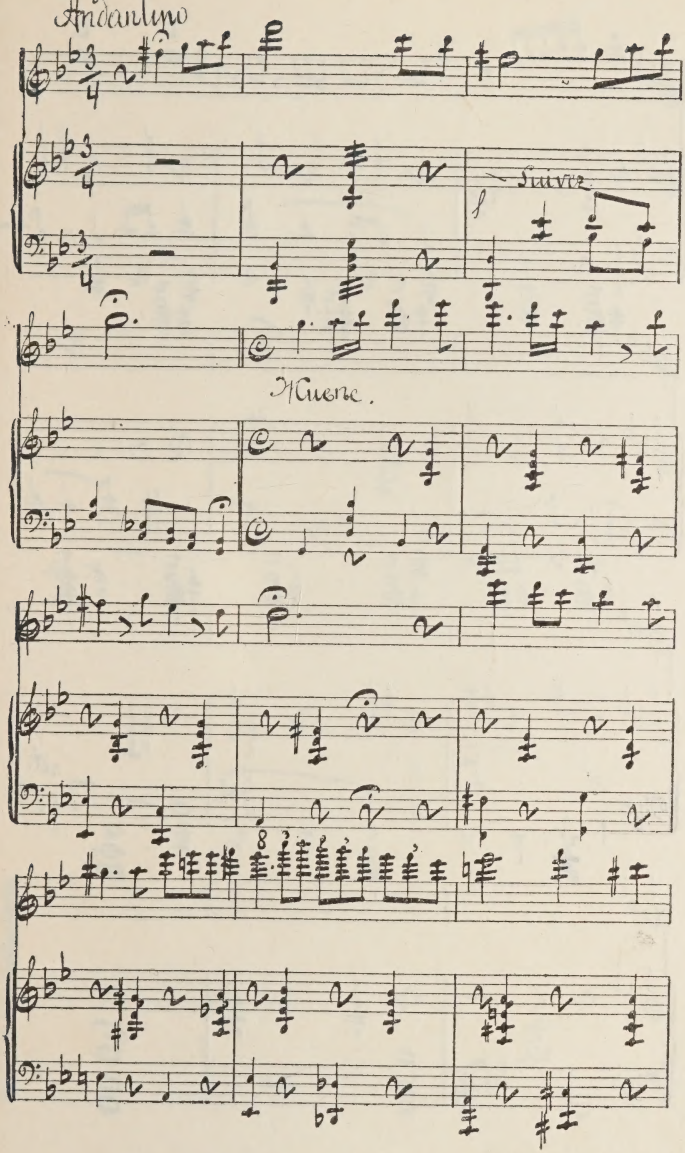
Звени, звени, моя осень,
Звени, мое солнце.

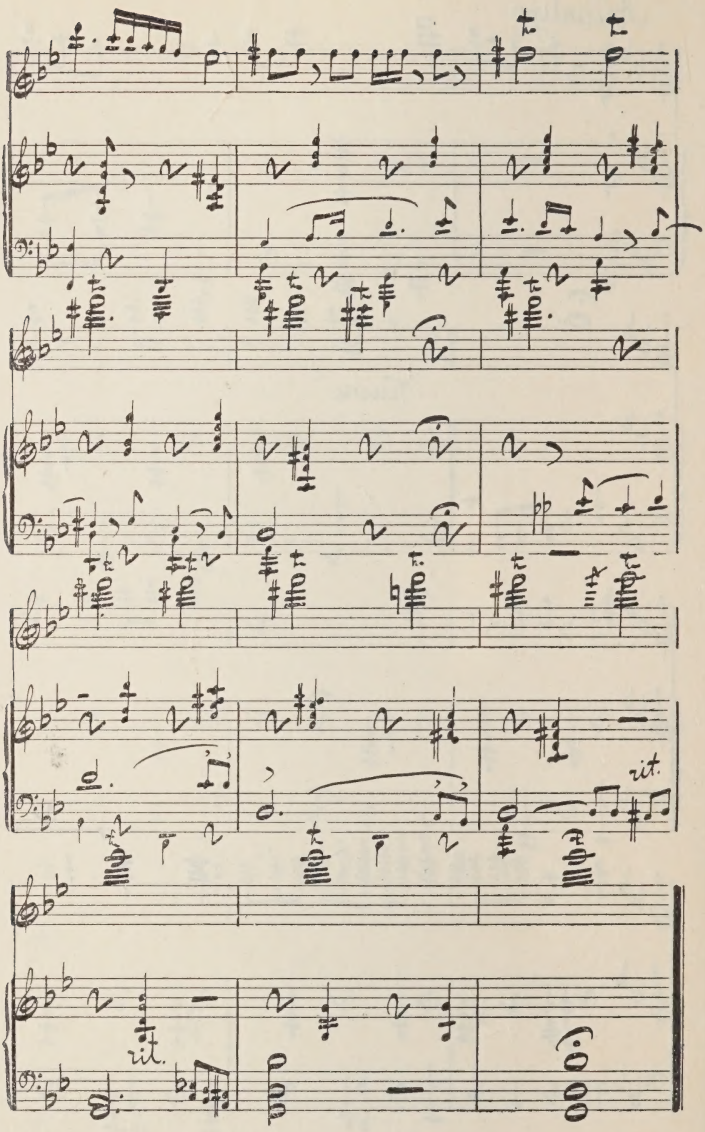
И взяли журавлинаго,
Длинноногаго чудака,
И связавъ, повели, смѣясь:
Ты самъ теперь пріюти себя!

Я отвѣтить хочу одинъ за все.
Звени, звени, моя осень,
Звени, звени, моя осень,
Звени, мое солнце.

Изъ скрипичной сюиты моей
„Осенній сонъ“ посвященной
другу моему Вилли Нотенберіъ

М. В. Матюшинъ.


Andantino
Suivez
f
Жиень.


rit.
rit.

Воспроизведенія съ карт. Матюшина, обложка и цинкографическія клише,—исполнены печатней художественнаго издательства Нат. Ил. Бутковской.

1912 г.

Типографія - Сиріусъ - Спб., Рыночная, 10.

SPECIAL 88-B
25471

THE GETTY CENTER
LIBRARY

641.13